

быть ситуативным, но может и закрепиться в языке — тогда образность слова стирается, а в дальнейшем может утратиться и номинативная сема (ср.: холера, хрен и др.). С другой стороны, речевая ситуация может возродить глубину образной номинативности (ср.: «Он не осел, он баран: осел только упирается, а этот ведь голову нагнет и напролом» — из записи речи ученицы 9-го класса).

В именовании человека оценочность, как правило, оказывается довлеющей, основной. Именно она выступает на первый план, и поэтому она прежде всего узуализируется. Однако в конкретных коммуникативных ситуациях классифицирующая сторона нередко оказывается более сильной. Особенно это важно в речи ребенка, в том числе и школьника, ибо его языковой опыт еще нуждается в постоянной опоре на материальную сторону слова. Образное слово оказывается оптимальным средством познания мира с опорой на минимальный языковой и бытийный опыт. Характерно в связи с этим, что в анкетах школьников более частотны толкования, раскрывающие объективные признаки явления (ср. семы, выделенные только в анкетах школьников) и связанные с поиском внешних характеристик, в то время как взрослые тяготеют к оценочности, к формулировке «очеловечивающих» признаков.

Образная номинативность детальна и в силу своей детальности в большей степени индивидуальна, нежели номинативность обычная. Отсюда ее неустойчивость, тенденция к стиранию, замене экспрессивностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом см.: Черемисина М. И., Сопла Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик: (На материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55—69.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. Далее в скобках, с указанием страницы, — Ожегов.

³ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1953. Далее в скобках, с указанием тома и страницы, — БАС.

⁴ Приводятся анкеты пятиклассников.

⁵ См., напр.: Черемисина М. И., Рыжкина О. А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977. Вып. 6. С. 3—24.

А. Г. ГУСЕВА, Я. Г. МАНИОН
Уральский университет

Локальный социально-возрастной жаргон

Отклонения от литературной нормы в речи городского населения — тема объемная: сюда входят явления, присущие просторечию, связанные с попаданием в город диалектоносителей или носителей арго, явления жаргонные, отклонения индивидуального ха-

рактера и т. д. В данной статье анализируется лексический жаргонный материал, полученный в результате работы в детском клубе, специализирующемся на работе с трудновоспитуемыми подростками в возрасте от 12 до 18 лет. Тесный контакт с группой подростков, связанных постоянным общением, дал возможность в течение пяти лет наблюдать в действии и развитии интересное языковое явление, представляющее собой корпоративный жаргон, существование которого ограничено рамками одного микрорайона¹.

В ходе работы возникли трудности с терминологией, которые были разрешены введением терминов «социально-возрастная группа» и «локальный социально-возрастной жаргон». Почему понадобилось определение «социально-возрастной»? Дело в том, что описываемая в работе языковая система служит средством общения определенной, относительно замкнутой группы, объединенной в основном тремя критериями: территориальным (микрорайон г. Свердловска), возрастным (это подростки 13—18 лет) и социальным (в группу входят в основном дети из рабочих, чаще всего неблагополучных семей, объединенные образом жизни, большую часть времени проводящие вне дома, в общении друг с другом; как правило, они являются учащимися ПТУ или работают на заводах и фабриках). Определив это явление только как возрастной жаргон, мы не будем точны, так как возрастной жаргон — явление гораздо более широкое, охватывающее подростков независимо от социальной расслоенности, что обусловлено постоянным общением подростков в школе, пионерских лагерях, где они объединены независимо от социального положения. Назвать данное явление социальным жаргоном было бы точнее, но опускать возрастной критерий нежелательно, поскольку он тоже является определяющим для включения в группу носителей данного языкового явления: дети до 13—14 лет еще не входят в круг общения старших подростков, а возвращающиеся из армии, в силу определенных причин, отходят от употребления жаргонной лексики. Исходя из всего этого, данную группу целесообразно назвать социально-возрастной, наблюдаемое же языковое явление — социально-возрастным жаргоном.

Мы будем еще более точны, если назовем этот жаргон локальным, в отличие от социальных и возрастных жаргонов, которые территориально широки и чаще всего не ограничиваются рамками одного города. Как свидетельствуют, например, наблюдения авторов работы, в возрастном жаргоне имеются слова, общие для подростков таких городов, как Киров и Свердловск, Сысерть и Челябинск, Пермь и Стерлитамак. То же можно сказать и о лексике, принадлежащей социальным жаргонам, например студенческому. Рассматриваемое явление отличается тем, что почти все носители жаргона живут в пределах соседних дворов и часть лексики вообще известна только тем, кто входит в эту группу. Такие слова составляют более трети всех зарегистрированных жаргонизмов (329 из 886 единиц). Итак, далее будет употребляться определение «локальный социально-возрастной жаргон» (сокращенно ЛСВЖ).

Изучение ЛСВЖ имеет важный социальный смысл. Оздоровление морального климата общества требует, в частности, борьбы с негативными явлениями в речевом общении, а она может осуществляться по-настоящему лишь на базе точного знания особенностей таких явлений. В собственно лингвистическом отношении жаргоны, как известно, представляют собой интереснейший феномен, дающий возможность наблюдать взаимодействие разных пластов лексики национального русского языка (общерусских лексических элементов, лексики диалектов, арго и просторечия). В советской лингвистике до последнего времени изучению явлений, подобных ЛСВЖ, уделялось гораздо меньше внимания, чем изучению просторечия, профессиональных жаргонов и т. д.

Основными приемами в работе по сбору лексики были как непосредственное наблюдение и эксперимент (для выяснения слов пассивного запаса), так и самонаблюдение². Использование последнего метода оправдано тем, что один из авторов статьи (Я. Г. Манион) хорошо ориентируется в данной языковой среде.

При отборе лексики для последующего ее анализа соблюдались обязательно три условия: 1) лексема отсутствует в литературном языке; 2) не относится к разряду нецензурной брани; 3) входит в активный или пассивный лексикон носителей ЛСВЖ. Для изучения отобранной лексики был использован метод научного описания, или описательный метод, — планомерная инвентаризация единиц языка и объяснение особенностей их строения и функционирования³.

В словарный запас носителей ЛСВЖ входит лексика, принадлежащая различным формам русского национального языка. Здесь мы обнаруживаем нейтральные общеупотребительные слова, просторечную лексику, диалектизмы и арготизмы, а также жаргонную лексику, появляющуюся в результате изменения всех перечисленных видов лексики на фонетическом, словообразовательном, акцентологическом и семантическом уровнях.

Часть жаргонной лексики представляет собой слова, отличающиеся от исходных только составом фонем. Так, просторечное отцепиться «перестать надоедать кому-либо» звучит как отчепиться, спят — сплят (по аналогии со сплю), по-быстрому — по-бырому (иногда с изменением оставшихся фонем: по-бырому — по-пырому, короче — керче). Отмечен интересный случай изменения слов, когда меняются местами части слов с изменением входящих в них фонем; нельзя — незля — незля (Дим, дай катнуться. — Никак незля); короче — рокоче — рогоче (Беги рогоче, Светка зовет); пузырьки — зюпирьки (А вы зюпирьки с собой взяли?); пузырьки — зюпирики (Вот в прорубь провалишься, будешь только зюпирики пускать).

Среди словообразовательных жаргонизмов наиболее многочисленной является группа суффиксальных образований, часто с использованием интерфиксации, усечения производящей основы. Можно выделить следующие продуктивные в ЛСВЖ суффиксы:

-**ан:** гольба́н «отсутствие чего-либо» (Да́й закури́ть. — У меня гольба́н, у Сёмы спроси́); друг — друга́н; кореш — корифа́н; шея — шейа́н;

-**арь:** тесак — теса́рь, дуб — дуба́рь, глухой — глуха́рь;

-**ень:** нога — ноге́нь, голова — голове́нь, пузо — пузе́нь, столб — столбе́нь;

-**ешник:** глаз — глаза́ешник, лоб — лобе́ешник;

-**он:** втык — втыко́н, записка — записа́н, музыка — музо́н (Какая это гру́ппа? Ну, еще с синтезатором... Тако́й музо́н кла́ссный!);

ак/як: годно — годня́к, душно — душня́к, ничто — ништа́к, (Ништа́к ко́фточка... Сама́ вяза́ла?), поршень — поршня́к, вертушка — верта́к, глушитель — глуша́к, кошка — коша́к;

-**яра:** гвоздь — гвоздя́ра, пес — пся́ра. тросик — трося́ра;

-**уха:** жизнь — жити́уха, седло — селлу́ха, сцепление — сцепу́ха.

Значительный пласт лексики АСВЖ составляют слова, которые при общих с литературным языком значениях имеют еще и значения, появившиеся в результате семантических процессов: **бизо́н** — 1) копытное животное, 2) кошка (Вон, бизон бежит...); **ботва́** — 1) стебли и листья растений, 2) что-либо не стоящее внимания (Эта пе́сня — ботва́, я ва́м лу́чше дру́гую спою́); **дуст** — 1) инсектицид, 2) газ (мото) (Подда́й-ка ду́сту... Да ты́ сли́шком ре́зко, на́до посте́пно... во́т как...); **зало́жник** — 1) взятый в залог, 2) выдающий секреты, предатель; **котла́** — 1) мн. ч. от «котел» — емкость, 2) наручные часы (Сними́ котла́, замочи́шь...); **теле́га** — 1) повозка, 2) мотоцикл; **то́нна** — 1) мера веса, 2) 1000 рублей (Его́ аппара́туру при жела́нии за две то́нны толкну́ть мо́жно).

Особо следует отметить наличие значительной группы фразеологизмов, бытующих в АСВЖ: пешко́м стои́ть «ехать стоя в транспорте» (Сади́сь. — Ла́дно, я лу́чше пешко́м постою́); ру́ки кудря́вые «о человеке, у которого все из рук валится» (Ну́, Ме́ня, ру́ки у тебя́ кудря́вые); бы́ть в проле́те «не получить чего-либо» (Да́й мне се́мян-то. — А ты́ в проле́те); би́ть тусо́вки «ожидать кого-либо, торчать на одном месте» (Дй́мка уже́ полчаса́ у подъезда́ тусо́вки бе́ет, тебя́, что́ ли, ждет?); сдви́г по фа́зе «человек сошел с ума» (У тебя́ что́, сдви́г по фа́зе?); вольта́ на ма́ссу бы́ют «делаешь что-то ненормальное, у тебя с головой не в порядке» (У Пи́та вольта́ на ма́ссу бы́ют — он с Аванга́рда в одних носка́х припе́рся); с ума́ спры́гнуть, с вольта́ми дру́жить «сойти с ума, делать что-то ненормальное» (Ты что́, с ума́ спры́гнула. засве́тишь же плёнку-то; Авде́й то́чно с вольта́ми дру́жит — взял. кассе́ту разлома́л); че́шки двину́ть, двину́ть та́пки «умереть» (Я домо́й пойду́, поруба́ю, а то́ с ва́ми че́шки двине́шь с го́лоду; Гляди́, тарака́н ползе́т. Куда́ без про́пуска?.. Все. Та́пки двину́л па́рень); положи́ где́ росло́ «положи на место» (Это́ чья́ кни́га? — Положи́ где́ росло́); то́лько шу́бы заворачива́ются «сильно, много, активно что-то делать» (Юри́ч вре́т та́к — то́лько шу́бы заворачива́ются); рогово́й отсе́к «лоб» «Буде́шь выступи́ть — в рогово́й отсе́к полу́чишь); раска́тать губи́-

щу «слишком многого захотеть» (Он с вами хóчет идт́и, во́ раската́л губи́щу-то); все́ кусты́ собра́ть «очень сильно упасть» (В понеде́льник с Ва́сей наверну́лись — я все́ кусты́ собрал); вы́писать бека́р «отказать кому-либо в чем-либо (например, в дружбе)» (Ты́ что́ со Сла́вкой поруга́лась, что́ ли? — Да́. Я ему́ бека́р вы́писала); голя́к на ба́зе «совсем нет ничего» (Одолжи́ пята́к. — Голя́к на ба́зе, за́втра ава́нец); к жму́рикам пойти́ «пойти́ на кладбище» (Он́и квáсить к жму́рикам пошл́и); на косаря́ дави́ть «притворяться» (Ты́ что́ на косаря́ да́вишь? Все́ ты слы́шал...); за́втраками корми́ть «обещать сделать что-либо завтра» (Слу́шай, ты́ уже́ неде́лю меня́ за́втраками ко́рмишь. Все́. Сего́дня же пойдём).

Пласт словообразовательных и семантических жаргонизмов, фразеологизмов, бытующих только в речи носителей ЛСВЖ, количественно значителен.

Обычно за счет собственно лексических, семантических, словообразовательных жаргонизмов создается целый ряд соответствий наиболее употребительным (в силу значимости) нейтральным, общерусским глаголам, прилагательным, наречиям:

есть — бода́ть, навя́ливать, подье́дать, рубáть, трéскать, ха́вать, ча́мкать; замерзнуть (о ком-либо) — задрýгнуть, задубе́ть, заколе́ть, за́костене́ть, засо́хнуть, окостене́ть; идти — ва́лить, грести́, канáть, кантова́ть, кочегáрить, мота́ть, ру́лить, хия́ть; смотреть — зы́реть (Зы́рь!), пасти́ (Паси́!), сечь (Секй́!); спать — воссы́пать, дре́мать, кима́рить; съе́сть — забода́ть, нама́ть, сбода́ть, срубáть, схávaть; убежать (быстро удалиться) — сде́рнуть, сли́нять, смы́ться, срули́ть; увидеть — запаст́и, засе́чь, застри́чь (застри́г, застрёг); а также:

хорошо — хороший: ба́рско — ба́рский, зако́нно — зако́нный, зы́канско — зы́канский. зы́ко — зы́кий, кайфо́во — кайфо́вый, кла́сно — кла́сный, кле́во — кле́вый, коро́нно — коро́нный, мазёво — мазё́вый, понто́во — понто́вый, путе́во — путе́вый, хиппо́во — хиппо́вый, четко́ — четкий, чй́нно — чй́нный; пло́хо — плохóй: ла́жво — ла́жový, стрё́мно — стрёмный, фиго́во — фиго́вый, хренóво — хренóвый; смешно — смешной: забóйно — забóйный, прико́льно — прико́льный, ржа́чно — ржа́чный, уга́рно — уга́рный, шко́дно — шко́дный.

Сочетанию «очень смешно» соответствуют слова: ви́лы, забóй, прико́л, ржак, ржа́чка, угар, усыхо́н (Когда́ он́ наверну́лся, у него́ така́я ро́жа была́ — ну́ уга́р!); выражению «мне очень смешно» соответствуют выражения: в настоящем времени — я выпада́ю, я вырубáюсь, я тащúсь (Я тащúсь, какáя у тебя́ шля́па); в прошедшем времени — я вы́рубился, я отпа́л, я пал, я угоре́л, я усóх (Ну́, ты́ вчера́ отколо́л но́мер — я́ усóх!).

Подобная ситуация наблюдается и в отношении наиболее употребительных существительных, например:

1. Части тела:

глаза — бу́ркалы, болты́, зénки, морга́лы, пёшки, чй́чи, шлиф-ты́; голова — балда́, голове́нь, голове́шник, голове́шка, котелóк,

кры́ша, ре́па, ты́ква, чан, черда́к, живот — мамо́н, мозо́ль, пузе́нь; кулак — ведро́; лицо — морде́нь, па́ча, то́рець, фи́зия, чу́шка; лоб — лобешник, рог, рогови́на, рогово́й отсе́к; ноги — гренаде́ры, до́нальды, дры́галки, загото́вки, ке́гли, та́пки, че́шки; нос — носопы́рка, но́хальник, ру́бель, руби́льник, шно́бель, шнопа́к, шнопе́ль; рот — зя́вало, пая́ло пая́льник, хава́льник; руки — гра́бли, загото́вки, ке́гли, культя́пки, па́кли, пога́нки, ца́рги; спина — горб, горба́тая, горби́на, хребе́т, хребти́на; шея — шейн.

2. Предметы быта, одежды, обуви и под.:

вещи вообще — шмо́тки, мо́натики; ботинки — колёса, ко́ры, ко́цы, шке́ры, до́нальды, гренаде́ры, бахи́лы (а также особые виды обуви — коса́ри, кроссо́вы, лунохо́ды, ду́тики); джинсы — джи́ны, штáты; магнитофон — маг, те́хника; нож (кухонный) — теса́к, фи́на́к, хлеборе́з; носки — га́ды, по́тники, стоя́ки; перчатки — пе́рчи; пластинки — пласты́; проигрыватель — верта́к; расческа — вшиво́нка, че́сало, че́сальник, че́ска; сумка — сак, си́дор.

3. Животные:

голубь — кишка́рь; кошка — бизо́н, котова́ська, коша́к, микропу́ма (черная кошка); рысь, ры́сина; крыса — ба́тя, крыс, цы́хрон.

4. Деньги:

деньги (общее) — ба́бки, ба́шли, гро́ши, гу́льдены, ма́ны, фи́лки, фи́лы; рубль (бумажный) — рва́ный; рубль (металлический) — ско́лзкий; десять рублей — чи́рик; двадцать пять рублей — четверта́к; пятьдесят рублей — полти́нник, полста́; сто рублей — сто́льник; тысяча рублей — то́нна, кусо́к.

Лексика АСВЖ отражает особенности психологии, мироощущения, круг интересов трудновоспитуемых подростков, являющихся носителями жаргона. Приведем примеры наиболее наполненных тематических групп.

Курение: курить — бази́ть, джиба́сить, дзо́бать, чина́рить; затушить папиросу, не докурив ее, оставив окурок — забы́чкова́ть, зачина́рить; окурок — ба́сик, бастро́н, бастро́нь, бозо́н, бозо́нчик, бычо́к, губосо́ска (очень маленький окурок), джиба́сик, чина́рик, чина́рь; просить закурить у прохожих — сшиба́ть (зашибать, стрелять) ку́рево; собирать окурки — стреля́ть чина́рики; «Дай закурить» — «Мочи́ ку́рить!»

Драка: драка, столкновение — маха́ловка, мо́халка, пласта́ловка, разбо́рки, тузи́ловка: драться — мо́хаться, наводи́ть разбо́рки, пласта́ться; бить — мочи́ть, пласта́ть; побить — завали́ть, замаха́ть, замо́хать, запласта́ть, шуга́нуть (кого-либо); навеша́ть, накости́лять, напина́ть; подраться — смахну́ться, схлестну́ться (с кем-либо); ударить — вмочи́ть, засвети́ть, нака́тиль, отколо́ть, суну́ть, уката́ть, умочи́ть (кому-либо); вести себя вызывающе, вызывать на драку — возбу́хать, возгуда́ть, выступа́ть, наезжа́ть, рыпаться (на кого-либо), набива́ться (Ты что набиваешься? — Да он сам наезжает!); бояться — дрейфи́ть, хоры́ть (кого-либо), мо́хать (Да он мохает...); испугаться — захоры́ть, сдрейфи́ть, схоры́ть (кого-либо) (Он меня́ схоры́л! Слабо́ ему́ мо́хаться-то).

Лексика АСВЖ отражает увлечения подростков, такие, как рыбалка, радиолюбительство, коллекционирование пластинок, магнитофонных записей и т. п. Наиболее интересна лексика, связанная с увлечением техникой:

увлечение техникой — мотоманство; мотоцикл — тача, тачанка, тачана, тачила, тачка, телега, телеграф; седло — седлуха; сцепление — сцепуха; газ — дуст, кокс, чад; прибавить газу — поддаться дуста (кокса, чаду); ручка газа — дустоизвлека́тель; руль — бара́н; тросик — тросо́н, трося́ра, червяк; цилиндр — горшо́к; одноцилиндровый — одnogоршо́вый, двухцилиндровый — двухгоршо́вый и т. д.; глушитель — глуша́к; провод высокого напряжения — во́льтник; аккумулятор — а́кумус, комуля́тивное устройство; спидометр — ма́нометр; амортизаторы — аморти́ры; отвертка — о́тверть; ездить, кататься — возжигать, выжигать, зажигать, поддевать, поджигать; разбирать двигатель — полови́нить двиг; заклинило двигателя — схвати́л (пойма́л) кли́н (Са́на вчера́ кли́н поймал) и др.

Надо отметить, что группа подростков, объединенных мотоциклизмом, выделяется среди других носителей АСВЖ не только употреблением «специальной» лексики. В этой сравнительно небольшой (6—8 человек) группе, обособленной от остальных в силу своих интересов, существует, в терминологии подростков, «мотоманский язык».

Для выделения речи членов этой группы из окружающей языковой среды используются одновременно или выборочно различные приемы: особое интонационное построение фраз, перестановка ударений, изменение тембра голоса (слова произносятся сдавленным голосом, быстро, очень отрывисто или слишком растянуто); изменение глаголов, присоединение к ним различных приставок (вну́хать, возжигать, засмотре́ть и др.); присоединение к глаголам в повелительном наклонении частицы -ко (возьми́-ко, да́й-ко, сле́зь-ко — с четким «о»). К перечисленным способам деформации средств общенародного языка постоянно присоединяются новые приемы. В следующем отрывке представлен часто используемый прием — перенесение ударения в большинстве слов на первый слог, иногда с изменением входящих в него фонем:

— Да́йм, да́й-ко о́тверть. — На́-ко, во́зьми... — Се́дня Ва́ся во́зжигал по́ двору — кли́н пойма́л. — О, Ва́ся, за́смотрел бе́нзин. И ско́чит. ско́чит!... Забу́дь!... Ника́к незля́!... Не да́м! — Во́т почи́но та́чу, и ту́т же да́стся ду́сту и на́чнет во́зжигать! — Да ты е́е ещё ме́сяц не по́чинишь. — Хва́тит... хва́тит... та́кие шу́тки... во́зжигать на́до... — Да́й-ко за́курить... и т. п.

По мнению авторов, описанное явление (так называемый мотоманский язык) представляет собой яркий пример языковой игры. В групповых, корпоративных жаргонах, как правильно отмечает В. Стратен, сказывается не столько деловая потребность, сколько стремление к экспрессии и игра словами⁴. Современные исследователи русской разговорной речи отмечают, что «диапазон явлений языковой игры широк. Играя, говорящий может не ставить перед

собой никаких содержательных задач, кроме одной: не быть скучным, усилить непринужденность общения, развлечь себя и собеседника, а для этого выразиться необычно»⁵.

Обращает на себя внимание вариативность АСВЖ. Будучи в употреблении, жаргонная лексика быстро «приедается», теряет свою оригинальность, а значит — и особую экспрессивность. Появлению новых жаргонизмов в значительной степени способствует языковая игра и рассмотренные способы образования жаргонизмов. Следует также отметить, что вытеснение старых жаргонизмов новыми происходит постепенно. Сосуществованием этих форм объясняется наличие целых синонимических рядов: быстрее — кёрче, побырому, рёзче, рогоче; компания — бáнда, контóра, ма́фия, толпа́, кúча; курить — ба́зить, джиба́сить, дзóбать, чина́рить; хороший — ба́рский, кла́ссный, мазёвый, чёткий, чýнный и т. п.

Итак, будучи средством общения ограниченной социально-возрастной группы (т. е. группы, объединенной возрастным критерием, образом и местом жизни), АСВЖ является корпоративным жаргоном и представляет собой языковую систему, постоянно развивающуюся, обладающую сложной структурой и всеми присущими языковой системе качествами. Эта система включает в себя общенародные и просторечные элементы, элементы аргó и диалектов и собственно жаргонную лексику, анализу которой посвящена данная статья. АСВЖ находится во взаимодействии со всеми остальными формами языка и постоянно за счет этого взаимодействия пополняется (ср.: соотношение составных пластов в лексике исследуемого АСВЖ, за исключением общенародных лексических единиц: 1) просторечная лексика; 2) общежаргонная лексика; 3) жаргонная лексика (с диалектной или арготической основой), встречаемая только в данном локальном социально-возрастном жаргоне; 4) арготизмы; 5) диалектизмы).

Изменяемость АСВЖ во времени связана и с постоянным изменением состава, возраста и духовной развитости носителей жаргона, которые вырастают, учатся, попадают в другие коллективы, в большей или меньшей степени овладевают литературным языком. Общение с интересными, много знающими и много умеющими людьми, влияние чтения, радио, телевидения, служба в армии приводят к тому, что повышается уровень культуры речи бывших носителей АСВЖ. А в жаргонный коллектив включаются новые подрасткы, достигающие возраста 13—14 лет, принося с собой новые формы АСВЖ, что требует постоянной, целенаправленной системы воспитательной работы с ними и, как следствие, нейтрализации АСВЖ, воспитания умения выражать свои мысли ясно, точно, пользуясь средствами богатого русского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О групповых, или корпоративных, жаргонах см.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 482—484.

² См.: Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. С. 24.

³ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 233.

⁴ См.: Стратен В. В. Об аргю и арготизмах // Рус. яз. в сов. школе. 1929. № 5. С. 53.

⁵ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 174.

А. Я. КАТАШЕВА
Челябинский университет

Тюркизмы в языке города

(на материале речи русского населения
горнозаводской зоны Челябинской области)

В последнее десятилетие наблюдается пристальный интерес многих исследователей к локальным особенностям русской городской речи¹. Об актуальности такого подхода говорится в работе О. Б. Сиротининой «Изучение русской разговорной речи»: «Одной из назревших задач изучения разговорной речи является исследование территориальных вариантов разговорной речи, особенно национально-территориальных. Использование русского языка в этих функциях, особенно в условиях неофициального общения, не могло не отразиться на разговорной речи как русских, так и представителей основных национальностей союзных и автономных республик...»². Национально-территориальный аспект исследования актуален не только для разговорной речи, но и для других разновидностей языка города³.

Объект нашего исследования — устная речь городского населения горнозаводской зоны Челябинской области. Такие города, как Усть-Катав, Катав-Ивановск, Юрюзань, Миньяр, Аша и Сим, находятся на границе Башкирской АССР и Челябинской области, в районе интенсивного русско-тюркского межъязыкового контактирования, в результате которого в русскую городскую речь проникло значительное число тюркских лексических элементов.

Тюркизмам на территории Челябинской области посвящена подробная и обстоятельная статья Г. А. Турбина «Татаро-башкирское влияние на русские говоры Южного Урала»⁴. Но неисследованной остается проблема тюркизмов в языке указанных городов.

Цель работы — проследить особенности употребления тюркизмов в речи жителей названных городов, а именно: 1) установить состав тюркизмов в речи жителей городов горнозаводской зоны Челябинской области; 2) определить конкретный язык — источник тюр-